
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

И.Л. НЕДЯК*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ГОСПОДСТВА: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация. В статье представлен анализ современного институционального порядка России через призму оптики концепций господства. В них эта форма власти трактуется как нормативно-нежелательные, асимметричные отношения зависимости и подчинения, при которых одна сторона обладает институционально закрепленной возможностью навязывать волю другой, действуя произвольно и своекорыстно, ущемляя базовые интересы объекта воздействия и блокируя источники его субъектности.

Автор применил методологию институциональной политологии для осмысления современных концепций господства как власти произвола. С этих позиций рассмотрены два парадигмальных подхода к концептуализации господства: принципов *vivre libre* (свободная жизнь) (нео)римской республиканской доктрины и *vita activa* (деятельная жизнь) афинской традиции изучения демократии участия. В первом внимание сосредоточено на политико-правовых аспектах ограничения господства через механизмы институциональных сдержек и противовесов, во втором – на коммуникативно-процессуальных аспектах формирования субъектности и коллективного действия членов политики.

В эмпирической части статьи концепции используются как нормативный ориентир и аналитический инструмент для оценки институционального порядка современной России.

Проведено сопоставление коллективных воображаемых институциональных порядков двух групп респондентов, которые выделены по признаку уверенности в правовой защите от превышения полномочий лиц, представляющих властные структуры.

* Недяк Ирина Леонидовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: iraned@mail.ru

Статистическая значимость выявленных различий между оценками институциональной среды, нормативно-ценностными комплексами и социальными установками выделенных групп подтвердила гипотезу о том, что институциональный порядок современной России воспринимается большинством как система, продуцирующая отношения господства. На уровне массовых установок он работает именно в этой логике, но ее масштабы и интенсивность ограничивают перспективы политики современного типа и инновационного развития общества. Обозначены признаки власти в форме господства: делегитимация общественного договора, фрагментация политического порядка, социальная дезинтеграция, социальная энтропия.

Сделан вывод о недостаточности «точечных» изменений и о необходимости системной трансформации институционального дизайна, одной из важных задач которой является утверждение уверенности большинства в гарантированном обладании политико-правовым статусом гражданина, который защищен законом.

Ключевые слова: институциональный порядок; деинституционализация; политика современного типа; господство; эмансипаторная власть; свобода не-господства; гражданская и политическая субъектность; коллективное воображаемое.

Для цитирования: Недяк И.А. Институциональный порядок господства: опыт концептуализации и эмпирического измерения // Политическая наука. — 2026. — № 3. — С. 20–43. — DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.02>

Постановка проблемы

В истории политической философской мысли тема господства всегда занимала важное место наряду с сопряженными понятиями власти, воли, свободы, зависимости, подчинения. С течением веков значение этих понятий продолжает трансформироваться, в том числе с учетом исторического контекста. В качестве фундаментальной структуры социального бытия господство осмысливалось и как естественный порядок [Платон, 2015], и как результат общественного договора для предотвращения войны всех против всех [Hobbes, 2024], и как этап внутренне противоречивого процесса развития человеческого самосознания и борьбы за признание [Hegel, 2018], и как высшая форма самореализации [Nietzsche, 1967], и как укорененное в отношениях, связанных с собственностью, доминирование правящего класса [Marx, 1990].

В последней четверти прошлого века обострился интерес к исследованию господства, которое является продуктом деформации демократических институтов и размывает их первоначальные смыслы. Исследователи обнаруживали процессы пролиферации отношений господства в обществах с разными режимами демократического правления и сталкивались с явным недостатком иссле-

довательского инструментария для изучения движущих сил этой формы власти и определения способов ее ограничения.

Попытки заполнить эту лакуну при помощи разработки концепций господства сформировали богатый и разноплановый массив исследований. Мы назвали его дискурс господства как социальной патологии (далее ГСП-дискурс), прибегнув к формулировке Акселя Хоннета. Один из ведущих представителей Франкфуртской школы критической социологии под социальной патологией понимает такое развитие общества, при котором институциональные структуры блокируют формирование субъектности и идентичности, препятствуя успешной самореализации и свободе индивида. Социальная патология – это не просто системный сбой, а деформация самой социальной ткани [Honneth, 2015].

Опираясь на разные политико-философские традиции и эпистемологические основания, авторы концептуализируют господство отсылкой к разным понятиям: асимметрии власти, зависимости, базовых интересов, гражданской и политической субъектности, политического участия, гражданского контроля, коллективного действия. Из этого следует, что одного согласованного определения господства в ГСП-дискурсе нет. Впрочем, оно невозможно в принципе, ибо «определимо только то, что не имеет истории» [Nietzsche, 1967, p. 80].

Анализ наиболее авторитетных исследований ГСП-дискурса позволил выделить следующие основные недискуссионные и непротиворечивые характеристики власти в форме господства: несправедливые, нелегитимные, асимметричные, субъект-объектные отношения зависимости и подчинения с нулевой суммой, которые ущемляют базовые интересы и ограничивают набор возможностей объекта воздействия, отводят последнему роль инструмента для достижения своекорыстных целей субъекта господства.

Исследовательский интерес в ГСП-дискурсе сосредоточен не столько на факторах и проявлениях явных «поломок» демократических институтов, сколько на выявлении их деформации – скрытой за фасадами формальных институтов эрозии демократических смыслов, ценностей, норм и процедур.

Объединяющую ГСП-дискурс ключевую идею выражает максима известного политического философа Иэна Шапино: «не-господство предоставляет лучшую нормативную основу для размышлений о политике по сравнению с альтернативными идеалами» и его тезис о том, что «идеал не-господства может быть отличной

основой для политического анализа и аргументации» [Шапиро, 2019, с. 10; 2012, с. 16].

Хотя дискуссии о критериях господства, принципах и механизмах реализации порядка *не*-господства далеки от завершения, ценность разрабатываемой оптики состоит в том, что она «привязывает философскую рефлексию к реальной политике» [Шапиро, 2019, с. 9] и определяет ценность теоретических построений возможностью их операционализировать.

Объединяет разноплановые работы ГСП-дискурса точка зрения, что высшей политической ценностью является защита человека от власти в форме господства. С этих позиций исследователи измеряют характер институционального порядка в градации «господство» – «эмансипативная власть». Не подвергается сомнению, что демократические институты и процедуры лучше всего подходят для ограничения господства (хотя они и порождают его). Иными словами, демократии отведена инструментальная роль. Через эту призму рассматриваются процессы (де)институционализации демократии как вспомогательного блага. В римской версии республиканской концепции господства внимание сфокусировано на принципах и механизмах состязательной демократии (о которой будет сказано ниже), в концепциях господства афинского направления – на демократии участия, в традиции Франкфуртской школы особое внимание уделяется делиберативной демократии.

Концептуализация господства и настройка оптики для исследования российского случая проводились в ходе многолетней работы научного коллектива отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (далее – ОСПИ) [Господство против политики..., 2019; Структуры господства..., 2020; Институциональная политология 2.0..., 2024; Недак, 2021].

Обозначим разработанные коллективом ОСПИ понятия, которые дают представление о логике всего исследовательского проекта и являются важным инструментом нормативного анализа в предлагаемой статье.

«Политика современного типа – институционализированная конкуренция социальных акторов по поводу проектов и решений, ориентированных на общее благо [Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 9].

Поле политики – институционализированная сфера отношений политических акторов, поддерживаемая совокупностью постоянно воспроизводящихся правил, в соответствии с которыми осуществляются взаимодействия по поводу значимых проблем в

рамках наличного и альтернативных проектов, целей и стратегических решений для общества.

Зона господства – пространство, в котором не действует принцип безусловного и неселективного применения права и генерализации норм. Универсальные нормы подменяются ситуативными договоренностями, принятие политических решений – администрированием, акторы дифференцируются не в соответствии с политической идентичностью, а по принципам личных связей. Институционально не обеспечена конкуренция социальных акторов по поводу проектов и решений, ориентированных на общее благо. [Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 42–68; Политическое поле..., 2020].

**Господство как власть произвола:
эрозия институционального порядка в проекции
*vivre libre u vita activa***

Концепцию господства как власти произвола (*domination as arbitrary power*) можно без преувеличения назвать центральной и наиболее цитируемой в ГСП-дискурсе. Для сторонников альтернативных концепций она выступает в роли «значимого Другого», оставаясь на протяжении долгого времени главным интеллектуальным стимулом для осмысления политики в терминах господства.

Концептуализация господства как власти произвола разработана на платформе политической философии и теории (нео-)римской ветви республиканской доктрины. Ее яркие представители (Квентин Скиннер, Филип Петтит, Фрэнк Ловетт, Маурицио Вироли и др.) создали многогранную оптику для изучения господства. К. Скиннер сосредоточился на историко-философских аспектах связи власти и свободы [Skinner, 2025; 2002; 1998], Ф. Петтит всесторонне проанализировал институциональную природу свободы как негосподства [Петтит, 1997; Pettit, 2012; 2008], Ф. Ловетт расширил исследования проблематикой зависимости и экономической справедливости [Lovett, 2010; 2022; 2012], М. Вироли уделил особое внимание таким «провалам» институциональной среды как кодекс сервитута и свобода слуг, которые формируют устойчивые неформальные практики [Viroli, 2011; 2002].

В задачи статьи не входит изложение и анализ всех положений концепции. Мы выполним декомпозицию концепции и рас-

смотрим теоретические обоснования ее ключевого понятия – власть произвола. Начнем с его описательного определения.

А и Б находятся в социальных отношениях господства в той мере, в какой А обладает институционально закрепленной возможностью:

- ограничивать или изменять в своих интересах набор возможностей (opportunity set) Б – то есть диапазон действий, которые участник отношений считает доступными;

- навязывать нормы и правила взаимодействия, а также устанавливать статус участников без согласия Б или наличия у него эффективных инструментов оспаривания;

- принуждать Б действовать вопреки его собственным предпочтениям и интересам;

- скрывать своекорыстный характер своего воздействия, ограничивая способность Б к его обнаружению и сопротивлению;

- формировать условия, при которых цена выхода из отношений зависимости становится для Б неприемлемой [Lovett, 2010; 2012; Петтит, 1997; Pettit, 2008; Skinner, 2002; 2025].

Господство как власть произвола – это субстанциональная концепция (structure-based conception) [Lovett, 2010]. Она разработана для изучения структурных социальных отношений, которые формируют власть в форме господства. Последнее трактуют и изучают как форму власти, институционально закрепленную в социальной структуре.

Авторы рассматриваемой концепции солидарны в том, что господство обусловлено структурно и включает не только реализованную или наблюдаемую власть произвола, но и саму институционально поддерживаемую возможность ее применения.

Хрестоматийный довод представителей римской ветви республиканизма – отношения господина и раба. Раб остается рабом, даже если его господин добр, ленив или занят. Сама система зависимости исключает свободу.

Представление о контраргументах сторонников агентивного подхода к пониманию господства дают работы Иэна Шапиро, который объясняет, почему он «вста<л> под знамена ресурсизма» и концептуализирует господство главным образом отсылкой к понятию базовых интересов [Шапиро, 2019, с. 56; 2012]. Автор признает, что господство бывает встроено в структурные отношения, но считает ошибочным смешивать потенциал с действительностью и считает правомерным определять господство как реальное, происходящее действие, без учета гипотетической возможности приме-

нения власти произвола. В пользу справедливости тезиса, что «само обладание... возможностью применения произвола не создает господство», автор приводит пример, который в нынешней геополитической ситуации читается с едкой иронией. «Сегодня США имеют возможность произвольно вмешаться в дела Кубы, Мексики, Канады и Фиджи, – пишет Шапиро, – но с точки зрения господства страна находится с ними в очень разных отношениях» [Шапиро, 2012, с. 27].

*Власть произвола:
деинституционализация формальных рамок
и закона как общего блага*

Самое лаконичное определение власти произвола – власть лиц, а не закона. Соответственно, *не-господство* подразумевает ситуацию, в которой сила права удерживает в узде «закон силы», гарантируя всем членам общества политический и правовой статус полноправного гражданина.

Произвол воцаряется там, где власть вырывается из «клетки закона», не подпадает под его санкции и возвышается над ним. «Клетка закона» понимается как совокупность жестких формальных ограничений, которые не допускают произвола. Ее прочность обеспечивают принципы верховенства права и его неселективного и безусловного соблюдения [Pettit, 2012; Lovett, 2022]. Иными словами, власть в форме господства наделена в концепции институциональной природой.

Состояние и порядок *не-господства* раскрывают отсылкой к одному из ключевых понятий римской республиканской доктрины – свободе как *не-господству* (*freedom as non-domination*).

Свобода в республиканском Риме была определена через сопоставление положения раба (*servus*) и свободного человека (*status libertatis*). Только последний имел привилегию и право быть под защитой закона и требовать от государства ее обеспечения. Не свободен тот, кто находится под властью другого человека (*dominium*), а не закона. В этом контексте состояния свободного человека *liber* и гражданина *civis* равнозначны. В современной концепции политико-правовой статус защищенного законом гражданина можно противопоставить положению подданного, который зависит от чужой воли.

Прочность «клетки закона» – лишь одно условие ограничения господства. Второе, столь же важное условие, связано с качеством самого закона, с трансформацией институтов из экстрактивных в инклюзивные [Acemoglu, Robinson, 2012]. Верховенство права сдерживает господство в той мере, в какой законодатель вынужден учитывать общегражданские интересы. Закон выполняет функцию общего блага тогда, когда в структуру принятия решений встроены «фильтры» общественных интересов [Pettit, 2002, p. 343].

Если сами законы перестают «уважать общие интересы и идеи людей» [Петтит, 1997, с. 83], то они перестают быть точкой опоры в повседневных практиках. В этом случае правовая среда начинает формировать систему ценностей и установок, характерных для зоны господства.

Важным условием ограничения произвола в республиканской концепции является гражданская добродетель «не быть ни рабом, ни господином». Она подразумевает строгое следование закону и уважение законных прав сограждан в силу внутреннего убеждения, а не только из страха перед санкциями.

Власть произвола: деинституционализация конфликта

Николо Макиавелли – один из первых мыслителей, который отстаивал важность политической конкуренции («распрей» в терминах флорентийца) для создания сильной республики и свободы ее граждан. Он утверждал, что законы, защищающие общую свободу, рождаются именно в столкновении интересов – в противоречии между стремлением народа не быть угнетенным и желанием знати господствовать [Макиавелли, 2024; Machiavelli, 2003]. «Здоровая и свободная от господства демократия, – скажут республиканцы сегодня, – это не отсутствие споров по поводу общего блага, а наличие эффективных процедур для их ведения».

В концепции господства эти идеи воплотились в принципе оспариваемости (*contestability*). Для ограничения произвола институты должны обеспечивать гражданам реальную возможность подвергнуть ревизии законы или действия власти, ведущие к неправомерной зависимости. По сути, речь идет о насыщении буквы закона духом политики.

Ф. Петтит заслуженно признан главным разработчиком республиканской модели состязательной демократии (*contestatory democracy*), которая включает принцип редакторского контроля

(*editorial control*) граждан. В ней легитимность власти измеряется не (с)только согласием большинства, сколько возможностью граждан в публичном пространстве оспорить и «отредактировать» решения, имеющие общественное значение. Ф. Петтит убежден, что идеал демократии участия неосуществим в современном обществе [Петтит, 1997, с. 315–350, 407–454]. Люди обычно затрудняются сформулировать свои предложения о должном политическом порядке, но зато они точно знают, чего не хотят.

В этом контексте разделение властей и наличие множества вето-игроков (*veto players*) [Tsebelis, 2002] важны как точки входа для граждан: расчет на то, что распределение полномочий между законодательной, исполнительной и судебной ветвями позволяет одной из них выступить на стороне гражданина против произвола другой. При этом суды рассматриваются в первую очередь как публичные форумы для представления интересов сторон и фиксации их обязательств.

К. Скиннер называет свободу «скоропортящимся продуктом» (*perishable commodity*), который постоянно подвергается эрозии из-за стремления правителей к господству [Skinner, 2002, р. 26–43]. Свобода не-господства имеет политическую природу. Она отличается от негативной свободы в трактовке И. Берлина тем, что для ее сохранения важны не только хорошие законы, но и гражданская доблесть (*virtù*) для их защиты. Без неусыпной бдительности граждан республика быстро деградирует.

Главным врагом свободы выступает апатия, которую Скиннер отождествляет с политической коррупцией, называя последней не только взяточничество, но уход граждан в частную жизнь, их пренебрежение гражданской доблестью бдительности. М. Вироли связывает принцип оспариваемости с идеей республиканского патриотизма, которая состоит в отстаивании общих свобод, а не в слепой верности флагу. Если власть нарушает принципы общего блага, патриот обязан сопротивляться [Viroli, 2011].

В условиях деинституционализации конфликта, когда легитимные каналы оспаривания заблокированы, «тишина» в сфере публичной политики свидетельствует не о стабильности, а о вхождении общества в зону господства.

*Господство как «спокойствие» подданных:
дисфункции институционального порядка в проекции *vita activa**

Авторы концепции господства как власти произвола акцентируют внимание на институционально-правовых аспектах этой социальной патологии и исследуют ее в философской и политической традиции римской ветви республиканизма. Согласно идеалам и принципам *vivre libre*, во главе угла стоят механизмы сдержек, противовесов и подотчетности. Гражданская бдительность (*vigilance*) играет роль стержня всего комплекса гражданских доблестей в неоримской республиканской доктрине.

Не менее важные исследования в ГСП-дискурсе представлены работами, в которых фокус смещен в сторону коммуникативно-процессуальных аспектов господства. Упрощенно их нередко называют афинским направлением исследований, имея ввиду общий нормативный ориентир – деятельную жизнь (*vita activa*) в демократии участия и делиберации [Arendt, 1998]. Исследователи сосредоточены на факторах, которые раскрепощают сознание и волю члена общества, побуждая его к осозанным и ответственным действиям в публичной сфере. Приоритетное внимание уделено выявлению институциональных оснований (рас)формирования источников субъектности, «самости» [Taylor, 1989]. Институты исследуются в первую очередь как «сцена», на которой человек осваивает роль гражданина и совершенствуется в ее исполнении рядом с согражданами в совместном действии (*action in concert*), если описывать в терминах Х. Арндт.

С разных методологических позиций выявляются факторы отчуждения и асимметрии власти, которые беспокойство граждан по поводу обустройства *rēs pūblica* (общего дела) трансформируют в выученную беспомощность, безволие и покорность. Это состояние Монтескье метко и едко назвал «тупым спокойствием подданных» [Montesquieu, 1989].

Господство, ведущее к «спокойствию подданных», исследуют посредством аналитического различения власти на формы «власть над» и «власть для» [Arendt, 1998; Lukes, 2005; Haugaard, 2020; Foucault, 1979], с методологических позиций Франкфуртской школы критической социологии [Adorno, Frenkel-Brunswik, Levinson, 1950; Marcuse, 2002; Habermas, 1996; Honneth, 2015], теорий эмансипации и расширения возможностей (*empowerment*) [Welzel, Inglehart, 2006; Welzel, 2013; Stewart, 2001; Klein, 2020], теорий феминизма [Allen, 2025; Young, 2011; Delphy, 2015].

Исследования объединяет интерес к технологиям «мягкой силы» господства. Они стремятся ответить на следующие вопросы: как изымается субъектность через формирование «ложного сознания» и «ложных потребностей»? Как подавление эмансипативных потребностей формирует одномерное сознание и «авторитарную личность»? Как депривация признания ведет к внутренней покорности? Как символическая власть и доминирующие дискурсы навязывают выгодное субъекту господства видение социального мира и «согласованные» с ним подданные нормы и ценностные комплексы и социальные установки?

В конечном итоге как институты, теряющие свое качество пространства коллективного действия («сцены»), поддерживают «спокойствие» подданных и закрепляют порядок господства в качестве нормального и даже желаемого. Формируемое таким образом коллективное воображаемое не только отражает реальность, но и конституирует ее. Перформативные функции коллективного воображаемого [Anderson, 2006; Castoriadis, 1987] выступают в этом случае механизмом утверждения порядка и кодекса господства.

Оптика *vivre libre* и *vita activa* при различии в акцентах следует взаимодополняющие факторы (рас-)формирования институционального порядка господства, становления активного социального субъекта или его деградации.

Институциональный порядок современной России в проекции концепции господства как власти произвола: анализ эмпирических данных

Рассмотрим, как респонденты оценивают институциональную среду современной России и конституируют с этих позиций институциональный порядок. Анализ сделан на основании данных массовых опросов, проведенных научным коллективом отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, членом которого является автор¹.

¹ Массовый опрос населения РФ проводился при поддержке Центра социального прогнозирования и маркетинга (руководитель Ф.Э. Шереги) по репрезентативной выборке (2018 г. – N 700, 2019 г. – N 700, 2020 г. – N 1000, 2021 г. – N 1000, 2022 г. – N 1000), пропорциональной относительно численности населения в федеральных округах Российской Федерации, в целом по РФ и относительно численности населения в поселениях разного типа: 1) мегаполисы (Москва и

Отметим, что исследовательская стратегия состоит не в прямом соотнесении высказываний респондентов с «реальностью», а в анализе того, как коллективное воображаемое институционального порядка конституирует саму социальную действительность.

Согласно ответам, в рамках существующей институциональной среды большинство граждан лишено того, что Монтескьё называл *tranquillité d'esprit* – спокойствие духа, рожденного уверенностью в собственной правовой безопасности [Montesquieu, 1989].

Абсолютное большинство респондентов не чувствует себя обладателями политико-правового статуса защищенного законом гражданина. Лишь менее пятой части опрошенных верят, что могут положиться на силу закона и оградить себя от произвола властных структур. Это устоявшееся представление об институциональной среде современной России. 17% опрошенных граждан в 2022, 2021 и 2018 гг. считают, что могут рассчитывать на защиту со стороны закона при взаимодействии или конфликте с властью. В 2020 и 2019 гг. небольшие отклонения зафиксированы в пределах статистической погрешности – 18 и 14% соответственно. Меньше пятой части опрошенных (24%) оценили как «отличную» и «хорошую» защищенность своего базового гражданского права на равную защиту со стороны закона.

Неуверенность абсолютного большинства граждан России в собственной защищенности законом при конфликте с властью выступает мощным фактором институциональной ловушки – устойчивого воспроизводства системой неэффективных норм или

Санкт-Петербург), 2) административные центры субъектов РФ, 3) районные города, 4) поселки городского типа (пгт), 5) села. Последняя ступень выборки, основанная на методе квотного отбора интервьюерами респондентов для опроса, включает параметры квот по 12 социально-профессиональным группам населения, рассчитанные в соответствии с аналогичными показателями Росстата. Исследование проводилось во всех федеральных округах, в 21 субъекте РФ. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием программы IBM SPSS Statistics. Репрезентативность социологической информации обеспечена реализацией модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени; квоты на всех этапах районирования и отбора респондентов для опроса) сформированы с учетом данных Росстата по состоянию на 01.01.2022. Проверка средней погрешности отбора респондентов по квотам проводилась в форме сравнения параметров в генеральной и выборочной по признакам распределения доли респондентов по 1) федеральным округам; 2) типам поселений; 3) социально-профессиональному признаку. Среднестатистическое отклонение не превысило $\pm 1,5\%$ при теоретически допустимой средней погрешности $\pm 5\%$

институтов. Когда институциональная среда (правила игры) воспринимается как неправовая, она производит неправовые отношения в институциональном порядке («игре» по этим правилам), а утверждение такого порядка в свою очередь углубляет «колею» развития институциональной среды, создавая все более мощные барьеры для изменения «застывшей» системы.

Это ключевой вывод данного исследования. Он подтвержден в статье сопоставлением разных коллективных воображаемых [Taylor, 1989] институционального порядка двух выделенных групп респондентов, которые в логике концепции господства как власти произвола названы «Граждане-*civis*» и «Подданные-*servus*» для отражения полярных позиций в континууме восприятия собственного правового статуса, конституируемого институциональной средой, а не как объективная классификация. Такое обозначение прямо вытекает из республиканской традиции, где *status libertatis* определяется наличием защиты от произвола и операционализирует ключевой концепт.

Первую группу составили респонденты, утвердительно ответившие на вопрос об уверенности в защите со стороны закона при взаимодействии или конфликте с властью (17%). Во вторую включены те, кто заявил об отсутствии такой уверенности, либо затруднился с ответом (83%).

Уже эти цифры сами по себе – суровый диагноз состояния институционального порядка. Показательно, что социально-демографический и поселенческий профили двух групп оказались схожими.

Далее каждый из рассмотренных выше критериев господства как власти произвола сопровождается ответами групп «Граждане» и «Подданные». Подтверждено наличие статистически значимой связи (χ^2 -квадрат) между категориальными переменными кросс-таблиц. Таким образом сформированы картины двух коллективно воображаемых институциональных порядков, что позволяет не только исследовать истоки и проявления власти произвола, но и определить перспективные стратегии ее ограничения. Особо отметим, что выбор названий двух групп обусловлен принципами римской республиканской доктрины. Обозначения не имеют никаких дополнительных коннотаций и не связаны с известной теорией Г. Алмонда о типах культуры.

В концепции подчеркивается важность институциональной защищенности не только от произвола структур государства, но и со стороны сограждан. *Не-господство* – это не только политическо-

правовой статус, но и социально-психологическое состояние равного среди равных, которые позволяют пройти тест на открытый взгляд (*eye-ball test*) Ф. Петтита. Тест определяет внутреннее состояние человека и социальный факт несервильного *modus operandi* (образ действия) общества, в котором рациональные стратегии поведения исключают вынужденное подобиострашие [Петтит, 1997].

Российская институциональная почва неблагоприятна для прохождения теста. Лишь менее половины опрошенных гарантированно рассчитывает на защиту со стороны закона при взаимодействии или конфликте с другими людьми (44, 38 и 40% в 2021, 2020 и 2019 г. соответственно) и при конфликте с начальством (39 и 29% в 2022 и 2021 гг. соответственно).

Когда значительная часть общества существует в ситуации правовой неопределенности, возникает специфическая асимметрия статуса. Это означает состояние (в том числе и внутреннего) подчинения, которое становится предметом общего знания, формируя «кодекс» сервитута и «придворной системы»: покорность, неуважение к законам, лесть, ложь, слепую преданность власть имущим [Viroli, 2011].

Как видно в табл. 1, с разницей в 41 процентный пункт респонденты групп «Граждане» считают себя защищенными от произвола других людей, и это говорит в пользу того, что они более устойчивы к сервильности при принуждении со стороны системы.

Такая уверенность резко повышает уровень доверия, которое выполняет функцию «замкового камня» конструкции общественного порядка, обеспечивая ее прочность. В группе «Граждане» уровень межличностного доверия почти вдвое выше – 53% против 28% в группе «Подданные».

Таблица 1

Уверенность в защите со стороны закона в случае конфликта с другими людьми. Восприятие респондентов по массиву и в группах, выделенных по принципу уверенности в защите со стороны закона при конфликте с другими людьми, %, 2022

При конфликте с другими людьми:	Данные массива	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
считают себя защищенными законом	44	92	51
читают себя незащищенными законом	35	5	32
Затруднились ответить	21	3	17

Источник: Анкетный опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

Обследование выявило признаки деинституционализации закона, который, оставаясь универсальным по форме, становится партикулярным по сути. Согласно данным в табл. 2, большинство респондентов считает, что российские законы не служат общему делу и не являются «щитом» для законопослушных граждан.

Лишь каждый пятый опрошенный (21%) согласен с тем, что законы служат интересам граждан. Более половины (56%) убеждены, что правовая система работает в интересах власти, которую почти половина респондентов (49%) считает своекорыстной.

Таблица 2

Ориентированность российских законов и власти на интересы граждан. Восприятие респондентов по массиву и в группах, выделенных по критерию уверенности в защите закона при конфликте с властью, 2022г., %

Согласны с утверждением:	Данные массива	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
законы в России служат интересам власти	56	28	61
законы в России служат интересам граждан	21	49	15
власть в России действует в своих собственных интересах и интересах меньшинства населения	49	33	66
власть в России действует в интересах большинства населения	22	52	16

Источник: Анкетный опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

Разрыв в восприятии между двумя группами велик. Представления о служении общему делу власти и закона формируют разные образы институциональных порядков. В группе «Граждане» его позитивно оценивают в 3 раза выше, чем в группе «Подданные». Первые считают, что законы в России служат интересам граждан (49% против 15%) и что власть в России действует в интересах большинства населения (52% против 16%). В то же время в два раза меньше респондентов в группе «Граждане» считает, что власть в России преследует свои интересы или интересы меньшинства (33% против 66%), и законы служат интересам власти (28% против 61%)

Снижает уровень правовой культуры массовое скептическое отношение к российским законам как инструменту регулирования общественных отношений и обеспечения правопорядка. Из табл. 3 следует, что с разницей в 29 п.п. респонденты групп «Граждане» и «Подданные» считают закон обязательным ограничителем поведе-

ния (74% и 45% соответственно). Когда решение об исполнении нормы половина опрошенных принимает «по случаю» (исходя из личной выгоды или лояльности), принцип верховенства права разрушается. На его месте воцаряется «безнормие» [Durkheim, 2013], и деформализация правил становится нормой.

Таблица 3

Отношение к принципу неукоснительного соблюдения законов по массиву и в группах респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите со стороны закона при конфликте с властью, %, 2022

Согласны с утверждением:	Данные массива	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
в России законы можно и нужно выполнять	50	74	45
какие-то законы нужно выполнять, какие-то нет	29	19	31
в России нет нормальных законов, которые следовало бы выполнять	12	3	14
затруднились ответить	8	3	9

Источник: анкетный опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

Уверенность в защите закона почти в полтора раза повышает готовность его соблюдать, создавая тем самым барьер «безнормию». Для «Граждан» (74% сторонников соблюдения норм) закон – это работающий механизм общественного договора, и добровольное соблюдение норм является рациональной стратегией.

Закон в мировосприятии «Подданных» перестает быть общим правилом. В этой группе на 29 п.п. (45%) меньше сторонников безусловного соблюдения закона. Уход в «серую зону» неформальных договоренностей становится рациональной адаптивной стратегией.

Оценки респондентами эффективности сдерживающих институтов и механизмов контроля власти указывают на крайне неблагоприятное положение дел в этой сфере (табл. 4).

Право контролировать власть считает защищенным лишь один человек из десяти. Более половины опрошенных (54%) уверены в его полной или частичной незащищенности.

Абсолютное большинство не воспринимает институты-посредники (суды, партии, общественные организации) в качестве «точек входа». Доверие к ним колеблется в пределах 11–20%. На этом фоне можно предположить, что более высокий уровень доверия к правительству (36%) имеет признаки отношений господ-

ства: надежду на «добрую волю правителя» (патернализм) вместо опоры на правовую процедуру.

Таблица 4

Оценка институциональной обеспеченности механизмов контроля власти: общий массив и группы респондентов по критерию защищенности законом при конфликте с властью, 2022 г., %

	Данные массива	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
Считают полностью и хорошо защищенными право контролировать власть	10	27	8
Считают совсем незащищенными и плохо защищенными право контролировать власть	54	23	64
Полностью (на «отлично») и в целом (на «хорошо») доверяют:			
Государственной думе	18	36	17
Общественным организациям	20	34	30
Политическим партиям	11	22	10
Правительству РФ	36	61	34
Суду	13	28	12

Источник: анкетный опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

Сравнение ответов показывает, что «Граждане» сохраняют большую веру в институты как таковые. Но даже в этой группе менее трети уверены в защищенности права контролировать власть (27%). Доверие к ключевому институту оспариваемости, суду, составляет 28%. Респонденты в группе «Подданные» практически не видят работающих каналов влияния. Здесь в два раза больше убежденных в полном отсутствии возможности влиять на принимаемые решения (61% против 30%)¹.

Восприятие институционального порядка у респондентов групп «Граждане» и «Подданные» контрастно. Данные опросов в табл. 5 показывают, как его дефекты усваиваются через социальный опыт, трансформируют гражданские качества в подданные и создают препятствия для развития политики современного типа.

¹ Задан вопрос: «Как Вы считаете, в современной России у Вас и таких людей, как Вы, есть возможность влиять на принимаемые властями решения?».

Таблица 5

**Маркеры гражданской субъектности по массиву
и в группах, выделенных по принципу уверенности
в защите законом при конфликте с властью, 2022, %**

	Данные массива	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
Внутриличностный уровень			
Считают, что устройство общества в России позволяет им реализоваться как личности в высокой и достаточной степени	26	42	23
Безусловно чувствуют себя полноправным гражданином нашего общества	26	43	22
Считают, что правительство вряд ли интересуется, что думают о нем такие люди, как они	63	48	66
Интерактивный уровень			
Согласны с утверждением:			
граждане способны организовать сами для решения важных для них задач	30	36	28
чтобы граждане могли больше влиять на решения, которые принимает власть, необходима готовность граждан взять на себя ответственность	31	43	28
каждый должен участвовать в выборах, это обязанность гражданина	32	43	29
считают интересным и полезным разговор о политике с теми, кто придерживается иных политических взглядов	31	39	29
Институциональный уровень			
Согласны с утверждением:			
в России есть партии, которые действуют в интересах таких же людей, как они	47	56	45
политика имеет «правила игры»	22	31	20
политика в России основана на принципе:			
соблюдения прав человека	17	25	15
силы	43	34	44
справедливости	6	11	5

Источник: анкетный опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

С отрывом почти в 29 п.п. респонденты группы «Граждане» оценивают институциональные условия как благоприятные для личностной и гражданской самореализации (42 и 43% против 23 и 22% в группе «Подданные» соответственно). О проблемах с субъективностью говорят низкие данные массива (по 26%).

Сковывает стремление к коллективным действиям убежденность в нечувствительности власти к мнению граждан (66% про-

тив 48% в группах «Граждане» и «Подданные» соответственно; по массиву – 63%).

Респонденты первой группы несколько выше оценивают способность граждан к самореализации (36% против 28% в группе «Подданные»). Однако более важным представляется убедительная демонстрация «Гражданами» внутреннего локуса контроля. Они чаще признают, что степень влияния на власть связана с готовностью граждан взять на себя ответственность (43 и 28% в группе «Подданные» соответственно).

В логике *vita activa* объяснима связь между нормативным отношением к институтам участия (43 и 29% в группах «Граждане» и «Подданные») и большей открытостью респондентов к дискуссии с оппонентами (39% против 29% соответственно).

Красноречивы данные о принципах политики в России. Ее силовая модель занимает заметное место в восприятии респондентов. Политику определяют в качестве пространства силы 34% в группе «Граждане» (43% по массиву) и на 10 п.п. больше в группе «Подданные» (44%).

Согласны с тем, что политика в России основана на принципах соблюдения прав человека менее пятой части опрошенных в общей выборке и в группе «Подданные». Социальный опыт, подтверждающий, что в основе политики лежит сила, а не правила игры, побуждает человека встроиться в иерархию господства. Меньше одного человека из десяти считают, что политика в России основана на принципе справедливости (5% по массиву и 6% в группе «Подданные»). 11% в группе «Граждане» радикально не меняют ситуацию, принуждая констатировать, что институциональный порядок современной России не способствует развитию субъектности граждан и стимулированию гражданской и политической активности.

Заключение

Обращение к концепту господства является методологически обоснованным выбором. Как показало исследование, различные теоретические версии концепций господства доказали свою продуктивность (т.е. способность порождать содержательное знание) и эффективность (практическую применимость) при изучении институционального порядка и политических процессов. Более того, разные оптики этих концепций – с акцентом на принципах *vivre*

libre или *vita activa* – не противоречат, а напротив, дополняют и верифицируют друг друга.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что институциональный порядок в современной России функционирует как система производства «социальных патологий» господства в масштабах и степени, которые серьезно ограничивают развитие любых видов субъектности граждан и перспективы политики современного типа. Деинституционализация формальных рамок и утрата законом функции гаранта общего блага открывают широкое пространство для власти произвола, вытесняют большую часть общественных отношений в зону правовой неопределенности и выученной беспомощности.

Выявленная в ходе эмпирических замеров разница в восприятии институционального порядка граждан, уверенных и неуверенных в защите со стороны закона, подтверждает ключевой тезис исследования: ощущение правовой незащищенности конституирует порядок господства и конгруэнтные ему когнитивные схемы, социальные установки и паттерны поведения.

Посредством оптики концепций господства определены наиболее деструктивные факторы и проявления этой формы власти:

- *кризис легитимности*. Официальные нормы и государственные институты воспринимаются большинством опрошенных как внешние, неподконтрольные структуры, действующие в интересах узкого круга своекорыстных лиц, что ставит под вопрос наличие работающего общественного договора;

- *фрагментация политического порядка и социетальная дезинтеграция*. Единое правовое пространство распадается на мозаику неформальных норм и соглашений. Избирательность в применении законов и имитационный характер каналов обратной связи утверждают управление через внеправовые практики. Институты неудовлетворительно справляются с основными функциями: от социальной интеграции и правового просвещения до эффективного нормативного регулирования;

- *социальная энтропия*. Потенциал общественной и гражданской активности расходуется на вынужденную адаптацию к пролиферации социальных отношений господства, продуцируя правовой нигилизм, социальный эскапизм, низкий уровень межличностного и структурного доверия;

- *деинституционализация конфликта* и делегитимация каналов влияния (судов, партий, гражданского контроля) лишают политическую систему механизмов самокоррекции.

Выявленные деструктивные факторы образуют взаимосвязанную систему, поддерживающую воспроизводство отношений господства. «Точечные» корректировки институциональной дисфункции обречены на кооптацию с последующим воспроизводством логики господства. Одна из ключевых точек пересечения стратегий минимизации отношений господства – проведение комплекса мер, результатом которого правовой характер отношений станет доминантой институционального порядка в представлении большинства граждан Российской Федерации.

I.L. Nedyak*

**The institutional order of domination:
an effort in conceptualization and empirical measurement**

Abstract. The article examines the political and power-related dimensions of Russia's contemporary institutional order in terms of modern theories of domination. In these theories, domination is understood as a normatively undesirable form of asymmetric power relations based on dependence and subordination. One side holds institutionally entrenched authority to impose its will on the other, acting arbitrarily and self-servingly. This undermines the basic interests of the affected party and erodes the sources of their agency.

The author applies the methodology of institutional political science to interpret modern concepts of domination as the exercise of arbitrary power. From this perspective, two paradigmatic approaches to conceptualizing domination are analyzed: the (neo)Roman and the Athenian republican traditions. The first focuses on the political and legal manifestations and limitations of domination, along with the principles of *vivre libre* (living free). The second emphasizes the communicative and procedural aspects of *vita active* (active life), with particular attention to the formation of agency and collective action (*praxis*).

The empirical part draws on data from nationwide sociological surveys in Russia, allowing the theoretical constructs to be tested. The study compares the collective imagined institutional orders held by two distinct groups of respondents, labelled in the research logic as “Citizens” (those confident in legal protection against arbitrary state power) and “Subjects” (those lacking such confidence).

By assessing the statistical significance of the identified differences, the study confirms the hypothesis that the institutional order of contemporary Russia (re)produces relations of domination. The scale and intensity of these relations limit the prospects for innovative social development. The article identifies the main factors driving the proliferation of power in the form of domination: delegitimization of the social contract, fragmentation of the political order, societal disintegration, and social entropy.

* Nedyak Irina, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: iraned@mail.ru

The conclusion points to the inadequacy of piecemeal changes and argues for a systemic transformation of the institutional design. A key objective of such transformation is to ensure that the overwhelming majority of the population has confidence in their guaranteed possession of the political and legal status of a citizen protected by law.

Keywords: institutional order; deinstitutionalization; modern type politics; domination; emancipatory power; freedom as non-domination; civil and political subjectivity; collective imaginary.

For citation: Nedyak I.L. The institutional order of domination: an effort in conceptualization and empirical measurement. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 20–43. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.02>

References

- Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D. *The authoritarian personality*. New York: Harper and Row, 1950, 228 p.
- Acemoglu D., Robinson J.A. *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown business, 2012, 544 p.
- Allen A. *The power of feminist theory: domination, resistance, solidarity*. Abingdon: Routledge, 2025, 186 p.
- Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 2006, 256 p.
- Arendt H. *The human condition*. Chicago: University of Chicago press, 1998, 349 p.
- Castoriadis C. *The imaginary institution of society*. Cambridge: MIT Press, 1987, 418 p.
- Delphy Chr. *Separate and dominate: feminism and racism after the war on terror*. London: Verso, 2015, 170 p.
- Durkheim É. *The division of labour in society*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013, 424 p.
- Foucault M. *Discipline and punish: the birth of the prison*. New York: Vintage, 1979, 333 p.
- Habermas J. *Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy*. Cambridge: MIT Press, 1996, 477 p.
- Haugaard M. *The four dimensions of power: understanding domination, empowerment and democracy*. Manchester: Manchester university press, 2020, 320 p.
- Hegel G.W.F. *The phenomenology of spirit*. Cambridge: Cambridge university press, 2018, 539 p.
- Hobbes T. *Leviathan*. Oxford: Oxford university press, 2024, 672 p.
- Honneth A. *Freedom's right: the social foundations of democratic life*. New York: Columbia university press, 2015, 448 p.
- Klein S. *The work of politics: making a democratic welfare state*. Cambridge: Cambridge university press, 2020, 204 p.
- Lovett F. *General theory of domination and justice*. Oxford: Oxford university press, 2010, 288 p.
- Lovett F. What counts as arbitrary power? *Journal of political power*. 2012, Vol. 5, N 1, P. 137–152. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2012.660026>
- Lovett F. *The well ordered republic*. Oxford: Oxford university press, 2022, 310 p.
- Lukes S. *Power: a radical view*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005, 192 p. (In Russ.)

- Machiavelli N. *The prince*. Moscow: Eksmo, 2024, 160 p. (In Russ.)
- Marcuse H. *One-dimensional man: studies in the ideology of advanced industrial society*. London: Routledge, 2002, 288 p.
- Marx K. *Capital: a critique of political economy*. London: Penguin books, 1990, Vol. 1, 1152 p.
- Montesquieu Ch.L. *The spirit of laws*. Cambridge: Cambridge university press, 1989, 808 p.
- Nedyak I.L. Power and domination in the projection of the collective imaginary: factors of (de)formation of Russia's political space. *Social sciences and contemporary world*. 2021, N 3, P. 30–45. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990015418-1> (In Russ.)
- Nedyak I.L., Pavlova T.V., Patrushev S.V., Filippova L.E. The political field and the zone of power: versions of the ideal type and an attempt at empirical verification. *Sociological studies*. 2020, N 1, P. 42–53. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008323-8> (In Russ.)
- Nietzsche F. *On the genealogy of morals and ecce homo*. New York: Vintage books, 1967, 384 p.
- Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science 2.0. Transformative politics in Russia: social actors and political institutions in the space of power and domination*. Moscow: Political encyclopedia press, 2024, 519 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds.). *Structures of domination, citizens and institutions* Moscow: Political Encyclopedia press, 2020, 318 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds.). *Domination versus politics: the Russian case. The effectiveness of the institutional structure and the potential of political change strategies*. Moscow: Political encyclopedia press, 2019, 319 p. (In Russ.)
- Pettit P. Keeping republican freedom simple. *Political theory*. 2002, Vol. 30, N 3, P. 339–356. DOI: <https://doi.org/10.1177/0090591702030003004>
- Pettit P. *On the people's terms: a republican theory and model of democracy*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, 338 p.
- Pettit Ph. Republican liberty: three axioms, four theorems. In: Laborde C., Maynor J. (eds). *Republicanism and political theory*. Oxford: Blackwell, 2008, P. 102–132.
- Pettit Ph. *Republicanism: a theory of freedom and government*. Oxford: Oxford university press, 1997, 304 p. (In Russ.)
- Plato. *The Republic*. Moscow: Academic project, 2015, 397 p.
- Shapiro I. *Politics against domination*. Moscow: Praxis, 2019, 476 p. (In Russ.)
- Shapiro I. "On non-domination." *Logos*. 2012, N 4, P. 3–35. (In Russ.)
- Skinner B.F. *Beyond freedom and dignity*. Indianapolis, IN: Hackett publishing, 2002, 215 p.
- Skinner Q. *Liberty as independence: the making and unmaking of a political ideal*. Cambridge: Cambridge university press, 2025, 332 p.
- Skinner Q. *Liberty before liberalism*. Cambridge: Cambridge university press, 1998, 142 p.
- Stewart A. *Theories of power and domination: the politics of empowerment in late modernity*. London; New York: Routledge, 2001, 240 p.
- Taylor C. *Sources of the self: the making of the modern identity*. Cambridge, MA: Harvard university press, 1989, 601 p.
- Tsebelis G. *Veto players: how political institutions work*. New York; Princeton: Russell sage foundation; Princeton university press, 2002, 317 p.

- Viroli M. *The liberty of servants: Berlusconi's Italy*. Princeton: Princeton university press, 2011, 208 p.
- Viroli M. *Republicanism*. New York: Hill and Wang, 2002, 123 p.
- Welzel C. *Freedom rising: human empowerment and the quest for emancipation*. Cambridge: Cambridge university press, 2013, 441 p.
- Welzel C., Inglehart R.F. Emancipative values and democracy. *Studies in comparative international development*. 2006, Vol. 41, N 3, P. 74–94. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02686237>
- Young I.M. *Justice and the politics of difference*. Princeton: Princeton university press, 2011, 286 p.

Литература на русском языке

- Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений: монография / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 319 с.
- Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства: монография / С. Г. Айвазова [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024. – 519 с.
- Льюкс С. Власть: радикальный взгляд / пер. с англ. А. Кырлежева. – М.: Издательский дом государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 238 с.
- Макиавелли Н. Государь / пер. с итальянского Г. Муравьева. – М.: Эксмо, 2024. – 160 с.
- Недяк И.Л. Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де)формирования политического пространства России // Общественные науки и современность. – 2021. – № 3. – С. 30–45. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i5.9246>
- Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. – М.: Издательство института Гайдара, 1997. – 488 с.
- Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. – Москва: Академический проект, 2015. – 397 с.
- Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации / И.Л. Недяк, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – С. 42–53. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008323-8>
- Структуры господства, граждане и институты / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – 318 с.
- Шapiro И. Политика против господства / пер. с англ. М.С. Фетисова, Т.А. Дмитриева. – М.: Практикс, 2019. – 476 с.
- Шapiro И. О не-господстве // Логос. – 2012. – № 4. – С. 3–35.